

Сун Цзюэфэй бросил взгляд вдаль: там вспыхнуло зарево, которое стремительно приближалось. Он лишь холодно усмехнулся:

— Не уйду. Я выбрался из Десятикратного ада только ради того, чтобы убить тебя!

Нин Фухуань, прижатый к краю крыши плотной стеной ударов хлыста, беспомощно произнес:

— Побереги свою жизнь, у нас еще все впереди. Если тебя снова схватят, сколько таких шестнадцатилетий понадобится, чтобы выбраться? Ты убил монаха-стража, неужели ты думаешь, что плешивые псы из монастыря Цыэнь простят тебе это?

Чэн Цяньжэнь, опираясь на плечо Гу Сюэцзяна, выбежал из лавки. Они не успели отойти далеко, как вдруг подул резкий ветер, в глазах мелькнула тень, и перед ними приземлился Нин Фухуань.

Он закинул меч на плечо и небрежно бросил:

— Закончили, все в порядке. — Он тут же перехватил запястье Чэн Цяньжэня, нащупывая пульс. — Потерпи.

Под воздействием внешней силы действие лекарства ускорилося. В Пурпурном Дворце поднялся жар, несколько потоков тепла устремились по телу, принося с собой покалывание и зуд. Чэн Цяньжэнь стиснул зубы и не проронил ни звука.

— Идем, помоги мне вытащить иглы.

Плитка на полу была разбита, в лавке царил хаос, обрушилась половина стены, но столы и стулья на улице уцелели. Гу Сюэцзян встал за спиной Нин Фухуаня, вытаскивая иглы и укладывая их в футляр — на второй раз рука у него была куда тверже.

Чэн Цяньжэнь сидел напротив них. Лишь когда повеяло ночным ветром, он почувствовал, как неприятно липнет к телу одежда, пропитанная холодным потом и кровью.

Только что пережив столкновение со смертью, он пребывал в смятении, но последней мыслью было: Чэн Чжюлю ждет его дома, и, увидев его в таком виде, мальчик наверняка испугается.

— Твой младший соученик больше не пытается тебя убить?

— Пытается. Просто сегодня его местоположение было раскрыто, вот он и пробил пространство, чтобы уйти.

Чэн Цяньжэнь вздрогнул:

— Каков его уровень развития?

Разве это не легендарная способность святых? Неужели он только что выжил после удара святого?

Нин Фухуань понял, о чем тот думает:

— Завершение стадии Махаяны. Метод прорыва сквозь пространство — это кровавый побег. Именно так он покалечил свои ноги, не знаю, чем придется пожертвовать в этот раз...

Вытащив последнюю золотую иглу, он размял поясницу и плечи, и его кости отозвались сухим хрустом. Гу Сюэцзян, закончив дело, расслабленно опустился на стул, раскурил трубку и выпустил облако дыма.

Чэн Цяньжэнь не выдержал:

— В прошлый раз в лазарете Академии тебе ведь выписали рецепт, чтобы бросить курить, почему от него нет никакого толку?

Гу Сюэцзян горько усмехнулся:

— Дай мне затынуться. У меня на душе такой хаос: хозяин лапшичной оказался одним из Двух Жемчужин Павильона Меча, а мой друг — практик с запечатанным Путем Боевых Меридианов...

У кого угодно от такого поехала бы крыша. Только услышав это, Чэн Цяньжэнь вспомнил о своих делах.

— Если я скажу, что понятия не имею, что со мной происходит, вы поверите?

Гу Сюэцзян оглядел его:

— Глядя на тебя — верю.

Хозяин лавки добавил:

— Я думал, ты сам запечатал свои меридианы и приехал из Восточных земель в Наньян с какой-то целью... пока не увидел, как ты сражаешься с Сун Цзюэфэем. Сказать, что ты махал мечом с закрытыми глазами — это еще мягко сказано.

Они вместе прошли через огонь и воду, так что теперь могли говорить свободнее. Лекарство было поистине чудесным: Чэн Цяньжэнь больше не чувствовал боли и обрел силы:

— Постой, я помню только, как несколько лет вылавливал трупы на переправе Ухуань. В Наньян я приехал лишь ради спокойной жизни.

Гу Сюэцзян нахмурился:

— Тот, кто запечатал твои меридианы, должен быть гораздо сильнее тебя. Он мог схватить тебя, заточить или даже убить, но не сделал этого. Возможно, он был вынужден скрывать тебя ради твоей же безопасности...

Иными словами, раз Чэн Сан «плохо спрятался», у него могут быть неприятности. Чэн Цяньжэнь вспомнил, как оказался здесь, и счел это абсурдом. Кто же защищает человека, бросая его в хаос Восточных земель? Это больше похоже на «выживай как знаешь».

— Если кто-то действительно обо мне печется, пусть лучше пришлет мне денег! Кстати, какой у меня сейчас уровень?

Гу Сюэцзян буркнул:

— Стадия Очищения Ци: Завершение. Как у Чжун Шилу, чуть сильнее, чем у Сюй Жэнь.

Чэн Цяньжэнь замер. Пять лет назад оригиналу было всего тринадцать-четырнадцать. С такими талантами у него наверняка непростое прошлое. Неизвестность пугала, особенно когда она касалась тебя самого.

Трое переглянулись. Чэн Цяньжэнь не ожидал, что хозяин лавки посмотрит на него с тем же выражением лица:

— Раз ты сам ничего не знаешь, зачем отдал мне меч?

Это божественное оружие наверняка имеет громкое имя, и сегодня он изрядно разозлил этим твоего соученика.

— У меня всего два меча. Не мог же я отдать тебе свой Инсюэ, вот и дал этот.

Что за логика? Чэн Цяньжэнь задохнулся от возмущения. Хозяин лавки вытащил из-за пазухи две банкноты:

— Не злись, приятель. Я обещал триста лянов после того, как все закончится... вот.

— Ты меня обманываешь, здесь всего двести.

Слово — закон. Нин Фухуаню пришлось достать еще две желтые бумажки:

— Все равно я уйду, забирай документы на эту лавку.

— Это максимум на восемьдесят лянов.

Двадцать лянов могут свести с ума любого героя. Нин Фухуань выудил кусок нефрита:

— Бери и это! У меня больше ничего нет. Инсюэ — моя жизнь, его отдать не могу.

Чэн Цяньжэнь подумал: красиво говорит, а сам хранит свою жизнь среди овощей, еще и использует для нарезки.

— Ты сказал, что уходишь? Куда?

Павильон Меча и твой соученик не оставят тебя в покое. Мир велик, но где тебе найти приют?

— На восток, искать соученика. Его старые раны еще не затянулись, а его преследуют по пятам. После сегодняшнего боя он снова применил кровавый побег, раны наверняка стали хуже. Если он столкнется с врагами, это будет самоубийство. Когда я найду его...

Чэн Цяньжэнь подумал: «Убьешь его, чтобы избавиться от проблем?»

— ...я смогу защитить его жизнь.

Чэн Цяньжэнь опешил:

— Ты хочешь его спасти, так почему дерешься с ним? Если есть причины, почему не рассказать ему?

Нин Фухуань вздохнул:

— В вашем возрасте я тоже думал, что в жизни нет ничего сложного. Все либо черное, либо белое, ясно и просто... Увы, людские судьбы переплетаются, воля Небес неисповедима. Даже лучший меч, если на нем лежит бремя чувств, не может легко разрубить обиды. Лишь с годами понимаешь горечь слов, когда говоришь одно, а делаешь другое.

Он внезапно рассмеялся:

— Поэтому мне так нравится твое имя. Искать рыбу на дереве — это страдание, а стоять как скала среди тысячи утесов — значит не иметь желаний и быть непоколебимым.

Чэн Цяньжэнь промолчал. Гу Сюэцзян смотрел на этого человека. Сейчас он не походил ни на ленивого лавочника, ни на безумца, презирающего устои, о котором ходили слухи. Он казался умудренным жизнью старшим, который делится с младшими своей печалью.

Вдруг Нин Фухуань встретился с ним взглядом и протянул золотую иглу:

— Дарю тебе. Можешь найти кого-то, кто сделает копию, остальное зависит от твоей удачи.

Гу Сюэцзян тут же поднялся и поклонился:

— Благодарю, старший.

Нин Фухуань встал, отряхнул халат:

— Мне следовало бы научить вас большему, чтобы знакомство не прошло зря, но времени нет.

Едва он договорил, Чэн Цяньжэнь резко вскочил. Он услышал шаги. Множество людей бежали со стороны юга города, до них оставалось не более трех кварталов. Обретя способности, он обострил чувства и теперь отчетливо слышал, как подошвы ступают по черепице.

— Хозяин, забирай меч и уходи скорее!

Если их схватят, не миновать допросов в городской управе. Гу Сюэцзян думал о большем: Две Жемчужины Павильона Меча засветились сегодня ночью, армия и Павильон Меча будут искать их, Академия Наньюань не сможет остаться в стороне. А еще враги Нин Фухуаня и Сун Цзюэфэя... Весь мир стал их врагом.

Нин Фухуань в последний раз оглядел разрушенную лавку, внезапно оттолкнулся от земли и взмыл в облака. Его голос донесся уже издалека:

— Бегите домой и не оглядывайтесь!

Чэн Цяньжэнь крикнул:

— Твой меч!

Они жили на востоке города, а Нин Фухуань устремился на запад. Его голос едва доносился:

— Оставь себе!

Гу Сюэцзян схватил Чэн Цяньжэня за руку, и они бросились бежать.

— Слушай старшего, быстрее!

В ушах Чэн Цяньжэня свистел ветер, стрекотали ночные насекомые, а топот ног, подобный приливу, смешивался с лязгом доспехов, становясь все ближе. Они нырнули в переулки, петляя по узким улочкам, пока на главных дорогах уже мелькали отряды стражи с факелами.

— Не могу... я больше не побегу. — Гу Сюэцзян пошатнулся и согнулся, тяжело дыша и сдерживая кашель.

Чэн Цяньжэнь сначала тоже чувствовал усталость, но вдруг какая-то сила хлынула из его меридианов, и утомление исчезло. Он почувствовал течение Истинной Ци и, собрав все силы, взвалил Гу Сюэцзяна на спину.

— Держись, скоро будем у твоего дома.

Переулки были неровными, в темноте хоть глаз выколи, но под ногами Чэн Цяньжэня словно был ветер — он ни разу не споткнулся.

Вдруг в небе раздался грохот, эхо которого превзошло раскаты грома. Сердца обоих сжались, они невольно обернулись. И застыли.

Ослепительный луч меча пересек небо с востока на запад, растянувшись на десятки чжанов, словно разрезая ночную тьму пополам. Он осветил половину Наньяна, затмив луну и звезды.

Зрение Чэн Цяньжэня стало намного острее, чем прежде, и он разглядел, как некая фигура, следуя за сиянием меча, прорывается сквозь кольцо окружения и исчезает в ночи.

После грохота сияние в небе долго не угасало. Многие проснулись, выглядывали из окон, толпы людей собирались на улицах. Стража пыталась навести порядок, длинные улицы были забиты до отказа, царил хаос.

Гу Сюэцзян все еще смотрел на след от меча:

— Нин Фухуань и меч Инсюэ... слава не лжет.

Чэн Цяньжэнь подумал: кажется, когда они дрались в лавке, они еще сдерживались, иначе пол-улицы давно бы превратилось в руины.

Он доставил Гу Сюэцзяна домой и поспешил к себе.

— Снаружи хаос, ты весь в крови, хотя бы зайди, переоденься.

— Не буду. Дом близко, не думаю, что мне так не повезет встретить патруль. Чжулю ждет меня, боюсь, он выйдет на поиски.

Сияние в небе угасло, весенний ночной ветер внезапно стал холодным. Словно пошел снег. Патрули были отвлечены на запад, и Чэн Цяньжэнь продолжал путь по переулкам. Наконец, свернув на свою улицу, он облегченно вздохнул.

Он еще не знал, что долгая тьма не закончилась, и величайшее потрясение этой ночи ждет его впереди.

Чэн Цяньжэнь шел домой, шаги стали легче. Но у самой калитки его охватило дурное предчувствие. Заколебавшись, он распахнул дверь.

В дворике было тихо, лишь покачивались ветви софоры под светом луны. В комнате Чжулю

горела свеча, сквозь рисовую бумагу окна пробивался теплый желтый свет. Все как в обычную ночь, ничего странного.

Казалось, это лишь нервы Чэн Цяньжэня были на пределе из-за событий вечера. Но он не мог расслабиться. Он не стал звать: «Я вернулся». Вместо этого, не подавая виду, он огляделся, крепче сжал рукоять меча и сосредоточился, пытаясь что-то почувствовать.

За стеной стрекотали насекомые, шорох ветра в листве стих, и малейший звук стал отчетливым. Если бы он знал больше о практике, он бы понял, что сейчас вся его Истинная Ци сосредоточена в органах чувств.

Он услышал дыхание и сердцебиение не одного человека и выкрикнул:

— Выходи!

Весенний ветер внезапно стал резким! Несколько черных теней метнулись из-за стены и с крыш, беззвучно приземляясь во дворе. Десять человек в черном окружили его со всех сторон, пространство двора мгновенно показалось тесным.

Чэн Цяньжэнь при свете луны разглядывал их. Он знал, что кто-то есть, но не ожидал, что их так много, и почувствовал, как был опрометчив. Десять молодых людей в черных боевых костюмах, с трехфутовыми саблями на поясах.

Если они пришли скрытно, то почему не закрыли лица? К тому же в лунную ночь серая одежда была бы уместнее. Их обнаружили, но они не нападали, просто показались. Кто они? Каков их уровень? Какова цель? Что они посмеют сделать в Наньяне?

Главное — что с Чжулю?

В то же время незнакомцы разглядывали его: пропитанная кровью форма Академии Наньюань, окровавленное лицо, но ясный, пронзительный взгляд. Казалось, он только что пережил жестокую битву, его боевой дух еще не угас, и он смог обнаружить их присутствие. Они недооценили этого человека. Оплошность.

Ему едва исполнилось двадцать, а он уже достиг стадии Очищения Ци: Завершение — несомненно, редкий талант. Почему он привез молодого господина в такое место? Они отправились в путь, как только предсказатель вычислил направление, и у них не было времени на разведку. Пришлось гадать.

Чэн Цяньжэнь лихорадочно вспоминал позу хозяина лавки, когда тот нанес удар, угол его меча, и слегка изменил стойку. Когда он двинулся, лунный свет упал на его меч.

Стоявший перед ним человек увидел клинок и невольно содрогнулся. Какое отношение этот парень имеет к Павильону Меча? Почему он не на горе Даньшань, а в Наньяне?

Обе стороны застыли в напряжении. В тишине раздался скрип двери, и холодный детский голос произнес:

— Называете меня молодым господином, а в душе ни во что не ставите.

Чэн Чжулю стоял на пороге с подсвечником, теплый желтый свет осветил все вокруг. Не успел он договорить, как люди в черном дружно опустились на колени. Лишь один, постарше, ответил:

— Мы не смеем.

Чэн Чжулю прошел мимо коленопреклоненных к Чэн Цяньжэню:

— Раз я сказал вам убираться, почему вы еще здесь? — Вдруг его лицо изменилось. — Брат, как ты дошел до такого?

Ситуация во дворе резко изменилась, послушный Чжулю стал незнакомым. Чэн Цяньжэнь на мгновение оцепенел, осознав, как нелепо он выглядит: весь в крови, окруженный людьми.

— Все в порядке, — поспешно сказал он. — В лавке возникли неприятности, позже расскажу. Кто они...

Чжулю улыбнулся и, потянув его за рукав, повел вперед:

— На плите греется вода, брат. Помойся, переоденься и отдохни, остальное подождет до завтра.

У двери он внезапно обернулся:

— Прочь. Чтобы я вас больше не видел.

Подул ветер, Чэн Цяньжэнь обернулся — двор был пуст, словно никого здесь и не было. Чжулю закрыл дверь, отрезав его от внешнего мира.

Они сидели друг напротив друга. Чэн Цяньжэнь спросил серьезно:

— Что происходит?

Чжулю не спешил, налил ему чаю и спросил в ответ:

— Брат, а что с тобой? Ты ранен?

— Нет.

— Не верю. Ты слишком часто меня обманывал.

Чэн Цяньжэню пришлось вкратце все рассказать, умолчав о Двух Жемчужинах Павильона Меча и запечатанных меридианах. Он сказал лишь, что хозяин лавки — практик, к которому пришел враг, а он сам попал под удар. Теперь все ушли, все в порядке.

Чжулю все еще держал его за окровавленный рукав:

— Это ужасно. Я пойду нагрее тебе воды.

— Не выходи, я сам.

Комната была маленькой, пришлось отодвинуть стол, чтобы поставить деревянную кадку. Без ширмы клубился белый пар. Чжулю принес табурет, взял полотенце и мыло, чтобы потереть брату спину. Они помогали друг другу мыться, это вошло в привычку.

Чэн Цяньжэнь вздохнул: горячая вода смывала липкую кровь, принося облегчение. Чжулю смотрел на тело брата: не бугрящиеся мышцы, а четкие линии. Но вся спина и грудь были покрыты шрамами: одни — от острых предметов во время поиска трупов, другие — от ножей разбойников. Разные формы безмолвно напоминали об их жизни все эти годы.

Чэн Цяньжэнь от природы был белокожим, шрамы выглядели пугающе. Чжулю каждый раз было больно на это смотреть. От горячей воды кровяные корки отпали, обнажая нежную розовую кожу.

Чжулю осторожно провел пальцем:

— Это от хлыста? Опять врешь, это свежая рана.

Новая кожа была чувствительной, по спине пробежала дрожь. Но в подсознании Чэн Цяньжэня брат всегда оставался ребенком. У них не было причин стесняться:

— Выглядит страшно, но это лишь царапины. Лекарство хозяина лавки помогло, уже не болит. Все, я помылся.

Переодевшись в чистое, они сели на кровать, Чжулю вытирал его волосы.

— Ты узнал тех людей?

В разгар зимы Чэн Цяньжэнь нашел на берегу реки маленького ребенка. Не в силах смотреть, как тот замерзает, он назвал его «Плывущий по течению» (Чжулю) и забрал домой. Сначала думал, что мальчик немой, потом тот заговорил, но ничего не помнил. Наверное, из-за стресса в раннем возрасте. Чэн Цяньжэнь перестал спрашивать, боясь травмировать его. Говорят, дети бедняков рано взрослеют — Чжулю был послушным и работающим.

— Не особо узнал.

Чэн Цяньжэнь повернулся к нему:

— Скажи правду. Кто они и почему ищут тебя?

Чжулю понимал, что скрыть такое невозможно, и ответил прямо:

— На самом деле, моя фамилия — Чаогэ.

У Чэн Цяньжэня в голове словно взорвалась бомба, он вскочил:

— А-а-а-а!

— Брат, осторожнее!

Он забыл, что Чжулю держит его влажные волосы, и дернулся от боли. Чжулю виновато принялся массировать ему голову. Чэн Цяньжэнь долго не мог вымолвить ни слова.

«Чаогэ» — первая из четырех великих фамилий, чье величие сравнимо с императорским.

Он спросил охрипшим голосом:

— Ты... ты всегда помнил?

— Нет. Они пришли ночью, показали много вещей, и я начал вспоминать.

Чэн Цяньжэнь с трудом привел мысли в порядок. Ему стало хуже, чем от удара хлыстом.

— Они пришли забрать тебя?

— Зачем мне возвращаться? — Чжулю сложил полотенце и обнял брата со спины, прижимаясь к его влажным волосам. — Они нашли меня только сейчас, значит, у них свои цели. Брат, неужели ты хочешь, чтобы я страдал?

Ребенок был рано развит и послушен, редко капризничал. Сейчас, став таким жалким, он заставил сердце Чэн Цяньжэня растаять. Он обнял его:

— Конечно нет, не бойся!

— В этом мире только брат ко мне добр. Я никогда не уйду.

Чэн Цяньжэнь потрепал его по голове:

— Поздно уже, отдыхай. Не думай ни о чем, я во всем разберусь.

Чжулю не отпускал:

— Брат, ты можешь поспать со мной? Сегодня было так страшно, боюсь, мне приснятся кошмары.

— Хорошо.

Чэн Цяньжэнь задул свечу и опустил полог. В темноте Чжулю держал его за руку, как в детстве.

Пустырь, карканье ворон, мертвенно-бледная луна. Чу Ланьчуань смотрел на человека в десяти шагах. Он преследовал десять потоков Ци на восток, но те внезапно исчезли. В то же время на западе небо рассек яркий свет меча.

Чу Ланьчуаню пришлось изменить путь и перехватить человека в ста лиях от города. Нин Фухуань все это время отступал, но, поняв, что уйти не удастся, перестал бежать.

Официально: Академия Наньюань обязана поймать демона, сбежавшего из Десятикратного ада. Лично: Сун Цзюэфэй ранил Ху Ичжи. В любом случае, вражда была неизбежна.

Холодный блеск, звон стали — клинок и меч столкнулись и разошлись. Судья отступил на три шага и убрал саблю в ножны:

— С твоими меридианами ты не сможешь победить меня.

Нин Фухуань ответил:

— Я и не собирался тебя побеждать.

Судья:

— Тогда зачем обнажил меч и заставил меня сражаться?

Нин Фухуань честно признался:

— Чтобы потянуть время, чтобы ты не успел отправить весть и мой соученик смог уйти дальше.

<http://bllate.org/book/21041/2140663>